

Екатерина Горж. Автор и издатель книги «Прядение для всех», с детства пишет заметки и небольшие истории, публикуется в основном в социальных сетях.

Екатерина Горж г. Нижневартовск

Баба Аня

– Мы поедem к бабе Ане, - нагнувшись, шуршит бабушка у окна. В сетку из плащовки бережно соскальзывают пакетики с узелками: оладушки, колючие огурцы с цветочками и важные помидоры собираются в дорогу.

Воздух на кухне тугой. Насыщенный печеным, жареным, вареным – обычное бабушковое утро. Гудит холодильник, тарахтит морозильная камера, шипит вытяжка, шкворчат оладьи, в кране льется вода. Я прокралась на кухню взъерошенная, прямо из кровати, в маечке и трусиках. Еще не проснулась толком, а тут все хлопочет.

– А может, не сегоодня, - протягиваю я нехотя и сажусь на островок прохлады: выбираю единственную не покрытую половичком табуретку. – Давай, лучше на дачу? - робко предлагаю бабушке, макаю оладушек в сметану, потом в малиновое варенье и жирными от оладьев пальцами отпиваю из кружки уже приготовленный для меня сладкий чай.

«Не хочу к бабе Ане, ведь на даче третий день ждет дедушка – задержались мы в городе. Наверное, качели уже доделал... вот бы покачаться! Да и баню затопить для меня он хотел, веники на прошлой неделе свежие заготовили с ним в лесу», - мысли лениво проскальзывают по жирной кружке, залипают в сладком варенье и тягучей дымке, которую я перестала уже замечать. Только утренней бодрости в этом вязком тумане с каждой оладушкой становится все меньше.

– Ой, вся взмокла! - разогнулась бабушка, сняла очки и много раз промакнула лоб полотенцем. – Фух, жарко как! - Открыла окно, в кухню ворвался холодный влажный ветер и свежесть начала бороться с туманом, а я с квелостью. Зато бабушка полна энергии, снова надела очки и объяснила:

– Мы уже две недели у нее не были! Надо обязательно сегодня. Я, вон, и огурцы с дачи привезла, и оладьев напекла специально. – Надо, чтоб не продуло, - рассудила она себе под нос и наполовину прикрыла окно. Битва окончена – кухонное марево победило.

Мне только пять, но где-то в глубине, под майкой, или за плечами, я знаю сама, что по-другому невозможно: баба Аня – это ее мама. Моя прабабушка. К ней нельзя не ездить. «Сегодня, так сегодня», – смиряюсь я, но тяну время. Ем оладушки до «больше не могу», на блюде с вареньем пальцем рисую цветочки, долго мочу руки под краном, засмотревшись на струю воды и медленно выкатываюсь из кухни собираться.

Даром что август, одеваться приходится тепло. Надо втиснуть ноги в уменьшившиеся после стирки колготки, они трещат и противно шоркают кожу. Ворот шерстяной кофты с перламутровыми пуговицами колет шею, зато ношенный еще плащик так мило шелестит, а только купленные резиновые сапожки лоснятся как самые натертые кастрюли.

У подъезда и бабушку с сетками, и меня, легкомысленную пятилетнюю особу, сдувает с ног. Сырой от ночного ливня ветер нагоняет песку в уши, в шею, в волосы, со свистом задувает под шерстяной воротник, прилепляет плащ и юбку к колготкам. Я то щурюсь, то иду спиной, чтобы спасти глаза, а синяя блестящая резина держит за меня оборону против тюменских луж и грязи. Песок бьет даже по ногам! И как неохота было надевать эти колготки, а сейчас жалею, что не надела три пары. Досадно, что в августе шапка неуместна – она спасла бы меня от отваливающихся ледяных ушей. Зато в апреле, когда заставляют носить ее под жгучим обеденным солнцем, она совсем ни к чему.

Залезаем в забрызганный до стекол оранжевый 15-й. В длинной гармошке обдаёт соляжкой и пылью. Особенно густо пахнет в такие водянистые дни в пустом салоне, когда можно уютно усесться куда захочешь и во всех деталях неспешно рассмотреть желтый поролон в дырке дерматинового сиденья, а если никто не видит, то даже потрогать пальцем его шершавую мякоть. В такие дни, после пережитой песчаной бури и перед выходом в новую, под гулкое мурлыканье, в тепле, можно вдоволь на все наглядеться. Как проскакивают по ухабам бордово-красный с левым уголком вверх ДК «Юбилейный» и напротив него - Центральный универсам над высоченными ступенями. Проехать еще четыре поворота и поглазеть вниз с моста Мориса Тореза на малюсенькие поезда, высмотреть за деревьями магазин «Стрела», налюбоваться на одноэтажную покосившуюся улицу Трактовую, всю в едва живых наличниках и избах. В наблюдении под мерное рычание проехать весь город и выйти на конечной.

Раньше баба Аня жила в деревне, а теперь в квартире, на улице Федюнинского, это почти на выезде по Червишевскому тракту, на противоположном краю Тюмени. Здесь больше нет домов, только дорога на кладбище, в Червишево и в Курган. И еще купаться на Пышму тоже по

этому тракту, мы с дедом ездили, я знаю. Да и за грибами он всегда возит по этой дороге.

Сквозняка здесь нисколько не меньше. Еще бы, вокруг одни пустыри, стоят только две серых 9тиэтажки. Через дорогу, пески, заросли травы и сырой песчаный ветер пробираемся к ним. Но не сразу в дом, сначала заходим в одноэтажный магазин, - надо традиционно купить бабе Ане хлеб, молоко и пряники. Я рассматриваю бетонный пол с вкраплениями белых камушков, тщетно ищу в них ритм и рисунок, и делаю маленькую передышку от песка и ветра.

Новый «бабыанин» двор выглядит старым. На проездах набросаны бетонные плиты в косую решеточку. Между ними дыры, рыжие железные крючки и песок. То ли не хотели, то ли не успели заасфальтировать, торопились закончить, - говорили сердито взрослые. Из песка торчит лебеда, одуванчики и толстая проволока. Ржавая железная горка, скособоченный пирамидка-грибок песочницы, качели без сиденья, вот и вся площадка.

Серая заляпанная дверь подъезда в этот раз на удивление не скрипит. Привычное дело, света нет, лампочки выкручены. Во всех щелях, дырках и неровностях бетонной лестницы и пролетов до второго этажа лежит песок. Наощупь звоним в черную железную стену и ждем.

Баба Аня долго идет. Слышим, как шаркают по кленке у двери ее тапочки, как медленно открывается ключом первая деревянная дверь. Один оборот. Второй. Третий. Дверь толкают. Еще раз, и она с шумом поддается. Через железную дверь уже слышно ее клокочущее дыхание:

- Кхто!? - зычно выкрикивает она.

- Свои! - весело и так же громогласно отвечает бабушка.

Еще два медленных шарканья, трижды гремит железный замок, и долгое мгновение баба Аня просто смотрит широко открытыми голубыми глазами, как бы пытаясь понять, кто пришел. Потом вскидывает брови и удивляется, хотя уже ждала:

– Оооо! Кто пожаловал! Гости ко мне приехали! Оооо, а у меня гостей то-от потчевать нечем, – говорит она, медленно разворачиваясь и держась за стену, чтобы дать нам побыстрее пройти и закрыть за собой.

– Гости сами все принесли, не волнуйся! – звучно кричит бабушка, чтобы баба Аня наверняка ее услышала. Но та занята: она переставляет ноги, чтобы пройти два шага до двери, и не слышит. Только бормочет себе под нос, одно свое:

– От-чьеёё, потчевать-то мне гостей нечем! Ооо, девка!

От этих присказок бабушка немного посмеивается, и с грохотом закрывает за нами металлический замок.

В квартире в нос шибает дух деревенского дома. Пахнет очень старенькой бабушкой – так я думаю в свои пять. Баба Аня, как всегда, в белом ситцевом с голубым рисунком платке, завязанном под подбородком, в пестром халате до середины икры, в застиранном фартуке в цветочек, в шерстяных носках на босу ногу и в старых чунях из коричневой овчины с опушкой.

На полу в коридоре разноцветные половики, круглые, прямоугольные, квадратные, а на них с вытертым рисунком старые клеенки. Завсюду у нее клеенки – и на кухне на столах, и в ванной на стиральной машинке, и в зале на столе. На полу в прихожей – старые, со скрученными краями, выцветшие, а в комнатах – поновее. А еще везде расстелены газеты: у балконной двери, на журнальном столике, на подоконниках. От клеенок и газет мне кажется, что баба Аня как будто не знает, как жить в квартире, поэтому живет так же, как в деревне.

Бабушка несет на кухню сетки с продуктами, а баба Аня тихонько, опираясь на стены узкого коридора, медленно шагает за ней. Бабушка нарочито бойко расспрашивает про соседей, но я понимаю, что так она забалтывает ее переживания о голодных гостях. Я не все понимаю, что говорит баба Аня. Я лучше пока тут посижу, на диване, и за-

хожу в зал. Тихонько посижу. Только сначала похожу и все порассматриваю.

Вот желтый старый лакированный сервант с прозрачными стеклами. За ними немного кружек, блюдец и хрустала. Но больше всего серебристых упаковок для таблеток, скляночек из темного стекла и исписанных бумажек. На подоконнике, опять на газетах, стоят горшки пушистых фиалок и в черных вывернутых пакетах из-под молока лысая герань. Меня обдает ее терпким духом – тут тоже пахнет старенькой бабушкой.

На полу у балкона расстелены полиэтиленовые пакеты и холщовые мешки. Рулоны ковров, половиков и паласов свернуты за стеклянной двустворчатой дверью, а старый овчинный тулуп мохнато торчит из-за дивана. На подлокотниках туго натянута выцветшая фланелевая пеленка. Я не нахожу ничего интересного снова сажусь.

Чуть не подскочила от неожиданности и съежилась – не заметила, что и на диване тоже лежит холодная клеенка. Бррр, неуютно тут. Из коридора слышно, как гремит общая железная дверь, звенит детский и басит мужской голос, потом со скрипом открывается соседская квартира и снова схлапывается в тишину.

Передо мной на табуретке сиротливо лежит толстый прозрачный, но мутный от множества стирок полиэтиленовый пакет. В нем что-то черное, странное, ни на что не похожее. Там торчит какая-то старая деревянная палочка и клубок грубой жесткой пряжи. Наклоняюсь и тихонько, без рук, заглядываю глубоко в пакет. Меня обдает горьковатым приторным, а может, затхлым душком. Разит каким-то животным, деревней, хлевом и старьем. Непривычный мне, неприятный этот запах. Пытаюсь понять, что это, и осторожно дотрагиваюсь. Оно жирное, жесткое, похожее на старые, грязные спутанные темно-коричневые волосы. Наверное, опять какие-то бабушкинские дела, заключаю я, и отодвигаюсь от пакета подальше. Мне, конечно, интересно, что это такое, но я не буду спрашивать. Все равно не

объяснят. Усаживаюсь поудобнее и терпеливо жду, когда же мы уйдем.

К шее подступают картинки – никак не забуду, как меня оставляли у бабы Ани в деревне в прошлом году. Не сильно я хотела ехать, и даже боялась. Никогда к ней не возили, а тут – на тебе, ни с того, ни с сего! Помню, что смирилась с неизбежностью и надеждой, что все пройдет хорошо. Хорошо-то хорошо, но не уходит из меня мне это чувство неуюта и холода. Помню, бегала там по улице в голубом фланелевом халате с грибочками, в черных лаковых сандалях на бежевых колготках, а они все время пачкались через дырочки у большого пальца. В деревне тогда детей не было, играть не с кем. Бродила целыми днями сама по себе, хотела есть и ждала, что баба Аня меня позовет. А еще у нее были пчелы, и одна меня укусила в глаз. Вот я ревела, на всю улицу! Меня баба Аня заставляла идти в баню, ругалась, что я не хочу. С дедом-то я баню обожала! Всегда просилась попариться. А тут – темная чужая холодная каморка. Я всю неделю ждала, когда меня наконец-то заберут обратно.

И здесь, в ее квартире, мне все чужое, все неуютно. Но вот меня зовут на кухню, и я нехотя иду. Бабушка уже сидит на табуретке за столом. Баба Аня у холодильника хлопочет. Мне накладывают целую гору остывшей с обмякшими корочками картошки с грибами, а белые грузди стоят в мутной стеклянной вазочке на столе. У бабы Ани самые хрустящие соленые грузди и отменные белые. Грибы – моя слабость, а таких вкусных я больше никогда и нигде не ела. Кушать у бабы Ани я люблю. Пряники уже выложены в тарелку, молоко налито в кружку. Вкуснотища, конечно, но разговор не вяжется. Бабушки разговаривают как-то по своему, я ничего не понимаю.

Для меня баба Аня резкая, непонятная, далекая. Я не понимаю, что она говорит, зачем она говорит, к кому обращается. Когда хочет спросить у бабушки, как у меня де-

ла, говорит «девка-то чё?». Не помню даже, называла ли она меня когда-то по имени?

– Ешьте давай досыта, – все приговаривает баба Аня. – Ешь, давай, знай, – напоминает она через секунду. Бабушка отказывается, только пробует грузди, и больше ничего не ест. А я наяриваю картошку за обе щеки, но даже я такую гору съесть не могу.

Ну вот все и заканчивается. И за столом посидели, и посуду помыли. Наконец-то пора и собираться. Но прежде, чем отпустить, нас по традиции ведут в спальню. В ритме бабы Ани мы втроем пробираемся по коридору через острова покрытых клеенкой половиков и газетные застилки «чтобы не пачкать» в дальнюю комнату.

Тут за фанерной белой дверью с зеленой стеклянной ручкой стоит железная панцирная кровать с синими ножками. Она так тщательно застелена, что я даже я, детского ума человек, понимаю – это храм, к которому нельзя ни подходить, ни прикасаться. Это как будто бы не кровать даже, а ложе безупречной прямоугольной формы. Покрывало под острым углом водопадом ниспадает вертикально вниз, а бахрома безукоризненно параллельна полу. Настолько она идеальна, насколько зыбка, уже знаю, если задеть – то уголок сразу потеряет форму и провалится, а по всей поверхности пойдет рябь. На белоснежные маковки подушек аккуратной треугольной формы ровнехонько накинута вышитая сетка, тоже белые. Все светятся на фоне темного плюшевого покрывала с оленями. Я ищу взглядом, куда сесть, и бабушка мне показывает рукой на табуретку.

Здесь прямо перед глазами на столе оказывается черная швейная машинка с золотым узором и деревянной ручкой. Повсюду лежат обрезки белого с рисунками ситца. Баба Аня показывает пакеты бабушке.

– Ладно, ладно, не выворачивай, не выворачивай! – своим громким голосом кричит ей бабушка. – Я уже дома все разберу.

Кто-то добыл целые килограммы обрезков, и принесли бабе Ане. Что сделаешь с кусками ткани размером с альбомный лист? А она сказала: «Почто добро выбрасывать!?!», и нашлась, насоединяла все, что можно, и нашла разного.

Целыми днями Баба Аня строчит из лоскутов простыни, наволочки, ночнушки для всей семьи. В горошек, в цветочек, в треугольник, в ромбик, в точку – везем богатство домой. А как иначе с бабой Аней? Приехали с сетками, уезжаем с тяжелыми пакетами. С сердцем, полным тихих впечатлений и смыслов, о которых я, пятилетняя, еще не знаю.

Добро это до сих пор живо. Долго мы еще потом спали на этих собранных из кусков простынях, наволочках и пододеяльниках, испещренных бельевыми швами вдоль и поперек. На дворе девяностые и мы много раз надевали после бани невпопад собранные рубахи. Залатывали одно белье кусочками другого. Протирали стол тряпочками в ромбик. Подвязывали помидоры надранными полосочками в горошек.

Теперь-то ткани те давно порвались, исчезли, как сама баба Аня, а крепкие ее строчевые швы остались. С рождением первых внуков мама из уцелевших обрезков сшила лоскутное покрывало. Нет бабы Ани, а клад,вшитый в ткань моей жизни, со мной.

Теперь мне 40. Как бы я хотела вернуться в ту квартиру к бабе Ане. Пожить с ней рядом. Сесть на холодную клеенку и расспросить. Послушать. Записать, как она говорит. Хоть одним глазком посмотреть, как она выбирает, как торгуется и покупает эту черную пахучую шерсть в соседних Акиярах у татар, как перебирает, как чешет ее. Потом зимой, или осенью, а может, в августе, вот в такую сырую погоду с песчаным ветром, берет этот мутный пакет с табуретки, садится, достает шерсть, ту самую палочку, и начинает прядь. Как же она прядет пряжу на носки, которые мы носим до сих пор?

30 лет нет уже бабы Ани, но последние 15 лет моей жизни крепко-накрепко связаны с прядением и шерстью. Уже 15 лет веретено, та самая палочка с нитками – привычный мне инструмент, постоянный гость в моем доме. Да что гость, хозяин. На кухне, на рабочем столе, в спальне, на полке – во всех сумках у меня лежат пакетики с шерстью, как у бабы Ани. Я люблю этот запах, от которого веет вольными луговыми травами, свежестью полевых ветров, ритмами смены времен.

Привычное дело сесть, взять пакетик с табуретки, крутануть, едва дотронувшись, тоненькую ось веретена, провалиться в мельтешение деревянных черточек и разглядеть в нем слияние стихий воздуха, воды, огня и земли. Почувать круговороты времен года, пружины смены дня и ночи. Закрутить шерстяные спирали, спирали времени, спирали нового дня. Такого же, как вчера. Такого, какого еще никогда не было. Увидеть натруженные руки бабы Ани в своих. Впитать в себя вращение вселенной, и вернуться снова в деревенский дом, где стояли прялка и ткацкий стан, которые я не застала.